

А. П. Сквородников, Г. А. Копнина, Е. Е. Анисимова
Красноярск, Россия

ПАМФЛЕТ И ПАНЕГИРИК — ЖАНРЫ-АНТИПОДЫ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ МАССМЕДИА

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена описанию сходств и различий таких жанров-антиподов, как памфлет и панегирик, путем сравнительного лингвопрагматического и лингвоаксиологического анализа двух текстов, посвященных одному и тому же лицу — писателю Александру Проханову. Актуальность исследования определяется попыткой рассмотреть названные жанры массмедиа в аспекте лингвистики информационно-психологической войны. Научную новизну исследования составляет представление этих жанров как микросистемы на функциональной основе. В анализе жанров используются следующие понятия: объект речевого воздействия (сознание тех, кто воспринимает текст), объект оценки (предмет в широком понимании, оценочное представление о котором формируется у адресата), предмет оценки (какая-либо сторона объекта оценки, дискредитируемая или глорифицируемая); аксиологема (оценочный фрагмент текста, выражающий какую-либо идеологию); вводятся также понятия глорификата как позитивной, апологетирующей аксиологема и негативатора как негативной, дискредитирующей аксиологема. Исследование выявило, что противоположность интенций и стратегий изучаемых жанров обуславливает оппозиционный оценочный характер средств выразительности, которые группируются в рамках двух категорий — глорификации и негативации — и позволяют сторонам противоборства создавать тот или иной миф: апологетирующий в случае панегирика и дискредитирующий в случае памфлета. В результате оказалось возможным указанные жанры представить как своеобразные жанровые антонимы, выступающие орудием информационно-психологического противоборства в современных массмедиа.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: памфлеты; панегирик; жанровая оппозиция; информационно-психологическое противоборство; глорификация.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Сквородников Александр Петрович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и речевой коммуникации, Сибирский федеральный университет; 660041, Россия, Красноярск, пр-т Свободный, 82а, к. 1-16; e-mail: skapnat@mail.ru.

Копнина Галина Анатольевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и речевой коммуникации, Сибирский федеральный университет; 660041, Россия, Красноярск, пр-т Свободный, 82а, к. 1-16; e-mail: gkopnina@mail.ru.

Анисимова Евгения Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и литературоведения, Сибирский федеральный университет; 660041, Россия, Красноярск, пр-т Свободный, 82а, к. 1-16; e-mail: eva1393@mail.ru.

Введение

Современное информационное пространство средств массовой коммуникации характеризуется ярким противоборством идеологических противников. Это противоборство является сущностным признаком информационно-психологических войн, изучению которых посвящены многочисленные исследования специалистов разных профилей (философов, психологов, историков, политологов и др.). В подавляющем большинстве исследований обходится стороной лингвистический аспект информационно-психологической войны, в том числе жанровый. Между тем в ней можно выделить специализированные жанры, по своей природе как бы предназначенные для идеологического противоборства.

В основе информационно-психологических войн лежит принцип деления на своих и чужих — «ведущая оппозиция политического дискурса» [Руженцева 2013: 63]. Семантическая оппозиция «свой» и «чужой» рассматривается во многих лингвистических публикациях [Матвеева 2011; Нехорошева 2012; Шабанова 2013 и др.]. Ее реализация показана на материале программ оппозиционных партий [Балашова 2014], политических комментариев [Руженцева 2013], анекдотов [Шунейко, Чибисова 2017], художественных текстов [Планкина 2015] и других жанров. В современном жанроведении продуктивно

используется компаративный подход, когда генезис и поэтика жанра исследуются в ходе сопоставления жанров-«антонимов». Например, в своей классической работе В. И. Тютяпа описывает жанровую пару ода — *инвектива* [Тютяпа 2013: 122—129], восходящую к перформативам хвалы и хулы (ср. панегирик и памфлет), и далее в той же логике пары *идиллия* — *баллада*, *элегия* — *волюнта*. Жанровые оппозиции нас интересуют в другом аспекте — в контексте современного идеологического противостояния, принимающего иногда форму информационно-психологической войны. Оппозиция «свой» — «чужой» является основой противопоставленности жанров памфлета и панегирика.

Цель данной статьи состоит в рассмотрении жанров-антиподов *памфлет* и *панегирик* в аспекте противостояния идеологий в российских массмедиа и специфики их лингвистического оформления. Такое противопоставление жанров в идеологическом плане еще не рассматривалось в отечественном языкознании, что и обуславливает актуальность исследования. Надеемся, что результаты исследования жанров в идеологическом противоборстве внесут вклад в теорию лингвистики информационно-психологической войны, разрабатываемой в Сибирском федеральном университете, и теорию речевых жанров, о состоянии которых (теорией) можно судить по публикациям прежде

всего в журналах «Политическая лингвистика» и «Жанры речи».

Основные понятия и метод исследования

Определим рассматриваемые функционально противопоставленные жанры.

Памфлет определяют как «публицистич. произв., обычно небольшое по объему, с резко выраженной обличительной, часто полемич. направленностью и вполне определенным социально-политич. „адресом“» [Калашников 1987: 266]. Жанровая интенция памфлета — дискредитация (очернение) идеологического противника, в качестве которого могут выступать идеология, социальная группа или отдельная социально значимая личность. Важным признаком памфлета является острая критическая направленность, характеризующаяся использованием языковых и речевых единиц с пейоративной оценочностью и такими видами комического, как ирония, сатира и сарказм, иногда принимающей форму гротеска.

Современный памфлет не избежал процесса жанровой гибридации, что выражается в появлении таких жанровых форм, как памфлет — политический комментарий, памфлет-пост, памфлет-роман и других, отличающихся усилением субъективного идейно-политического начала, использованием приема абсурдизации, увеличением объема текста и прочими признаками. На основе гибридации развивается явление **памфлетности** [Серова 2014: 417] — проникновения признаков памфлета в другие публицистические жанры, которые мы предлагаем называть **памфлетоидами**.

Панегирик определим как художественно-публицистический жанр, зеркально противоположный памфлету и содержащий восторженное восхваление какого-либо объекта (в широком смысле): идеологии, общественного явления, социальной группы или отдельной социально значимой личности. Жанровая интенция панегирика — глорификация, в том числе для защиты того или иного дискредитируемого объекта. Поэтому стилистической особенностью панегирика является использование языковых и речевых средств с мелиоративной оценочностью.

Признаки **панегиризма** могут встречаться в жанрах другого содержания и формата, например, возможен панегирик-некролог, панегирик-рецензия, панегирик-поздравление и др. **панегириды**.

В массмедиа можно встретить тексты с элементами как памфлета, так и панегирика (например, статья Ю. Мориц «Буквально» [Мориц 2017] и А. Проханова «Федот, да не тот» [Проханов 2010]): в них острое памфле-

тизма и панегиризма направлено на разные, но сопоставляемые объекты.

В исследовании использовался лингво-аксиологический анализ текста — разновидность контекстуального анализа, которая направлена на определение аксиологической функции используемых в нем языковых/речевых единиц путем вычленения, демонстрации и комментирования высказываний и фрагментов текста, обуславливающих в совокупности своих контекстуальных связях его аксиологическую тональность.

В статье используются следующие термины, позволяющие осуществить лингво-идеологический анализ текста:

– **объект речевого воздействия** — это сознание (индивидуальное, групповое, массовое) тех, кто воспринимает текст;

– **объект оценки** — предмет в широком понимании (личность, коллектив, событие, идеология и т. д.), подвергающийся оценке (дискредитирующей или глорифицирующей) с целью формирования того или иного представления о нем у адресата;

– **предмет оценки** — какая-либо сторона (признаки, качества, свойства) объекта оценки — дискредитируемая (**мишень**) или глорифицируемая (**глорификат**);

– **аксиологема** — оценочный фрагмент текста (слово, словосочетание, предложение или более крупная текстовая единица), выражающий какую-либо идеологию; позитивная аксиологема может быть названа **глорификатором**, негативная — **негативатором**.

Покажем аксиологическую оппозиционность памфлета и панегирика на материале двух текстов, посвященных одному и тому же лицу (известному писателю Александру Андреевичу Проханову) и представленных в сети Интернет: «Кочующий теплоход „Александр Проханов“» [Прилепин 2008] и «Нечто о Проханове. Агент Бога» [Галковский 2005], — путем анализа и сопоставления их аксиологем.

Анализ текстов

У анализируемых памфлета и панегирика общий объект оценки — личность А. А. Проханова (талантливого писателя и публициста, редактора газеты «Завтра», председателя «Изборского клуба»), то или иное представление о которой у читателей пытаются сформировать журналисты. В текстах отражена противоположность их интенций и соответствующих целей: в статье «Кочующий теплоход „Александр Проханов“» это апологетика объекта оценки; в статье «Нечто о Проханове. Агент Бога» — дискредитация этого же объекта оценки. Таким образом, именно идеологическая направленность цели определяет основные стратегии текстов —

сформировать представление о А. А. Проханове: позитивное — в первой статье; негативное — во второй. Эти стратегии как генеральные линии, определяющие речевое поведение журналистов, обуславливают выбор предмета оценки и соответствующих идеологем и аксиологем.

Композиционно статья Захара Прилепина делится на три части. **Первая часть представляет собой** обобщенную характеристику «всякого сильного русского писателя», каковым и является, по мнению автора, А. Проханов. Повтор словосочетания «всякий сильный русский писатель» в заключительной части текста создает кольцевую композицию, актуализирующую основную идею. Через весь текст проходит сквозной прием — развернутая метафора пути: от названия статьи *Кочующий теплоход „Александр Проханов“* через высказывания с лексемами тематического поля «путь» (некоторые из них: «...вышел в путь с венком из летних цветов на голове — и началась кочевая жизнь, долгое путешествие вослед за мерцающей розой. Иного пути и не было, дорога стелилась под ноги сама...»; «Логика кочевий вела Проханова всё дальше и дальше...»; «...ушедший в путь свой отрок <...> превратился в охотника, бродящего уже не меж островов, а меж материков! Это цельный, безупречно цельный путь»; «...Проханов продолжил свой путь, свой поход, своё путешествие...»; «продолжает прежнее своё путешествие»; «Его дорога <...> длится и длится»; «...он сам за время своего путешествия превратился в пароход <...> Пароход может продолжать курс в любую непогоду, проходить сквозь ураганы, пересекать реки <...> и даже высохшие моря») до ...он достигнет Пятой Империи.

Используемая в первой части статьи тактика сопоставления А. Проханова с выдающимися русскими писателями реализуется с помощью различных приемов: приема постановки Проханова в однородный ряд с такими писателями, как Пушкин, Достоевский, «все Толстые», Горький и Твардовский; эпитетов: *людям высокой традиции и крепкой почвы* — и зооморфной метафоры: *поднимать традицию на дыбы, чтоб та закусила удила и глаза закатила от ужаса*. Эта тактика заканчивается аксиологемой *Александр Андреевич Проханов — как раз из их числа* (здесь и далее в аксиологемах выделяются глорифицирующие элементы).

Во второй части статьи, дающей профессиональную и личностную характеристику Проханова, тактика развенчания сложившегося стереотипа о том, что *натуральный*

русский писатель — это некое полуинфернальное в бороде и сапогах существо, окающее, гыкающее и смачно отплёвывающееся при произнесении некоторых слов и отдельных фамилий дает возможность охарактеризовать А. Проханова как образ русского литератора, который и стоит считать **идеальным**. Или, вернее, **совершенно нормальным**. Эпитеты-аксиологемы «идеальный», «совершенно нормальный» получают подтверждение в следующих аксиологических высказываниях: «Он умеет быть европейцем, этот нормальный русский писатель. Он объясняется как минимум на двух языках, а при желании и на трёх. Тулуп на нём смотрится столь же хорошо, как военная форма. А военная форма столь же красиво, как фрак»; «И везде — глаза его горят любопытствующе, и вид при этом у Проханова совершенно органичный растворившей его среде. А потому что он — нормальный русский писатель! До всего ему дело, везде ему место, всюду ему по сердцу».

Переходный характер имеет в этой части статьи фрагмент, реализующий тактику описания становления Проханова как писателя героически-романтической тематики. Пути поиска передаются с помощью развернутой гиперболизированной метафоры (в прозе своей *сменил столько одежд, которыми впору было бы нарядить добрую дюжину литераторов*), климакса и гиперболизированного эпитета (*жаждал, да что там — алкал новой героики, тектонических сдвигов, вечных городов*), а также аллегории (...*вышел в путь с венком из летних цветов на голове — и началась кочевая жизнь, долгое путешествие вослед за мерцающей розой. Иного пути и не было, дорога стелилась под ноги сама, а роза звала*).

Тактика переключения внимания читателей на гражданскую позицию писателя — сторонника и защитника Красной империи — содержит символ розы и серию развернутых метафор, передающих основные идеи его произведений: *Роза из первого прохановского романа становится красивой, но несколько печальной метафорой поспешного, даже суетного цветения державы, так и не пустившей крепкие корни и потому размётанной впоследствии первым же дурным и мерзостным ураганом*.

Предчувствие гибели империи Прохановым и его попытки остановить ее описаны с помощью противопоставленных метафор хаоса и скреп, эпитетов, характеризующих романы писателя, и сравнения названий романов с забиваемыми сваями: *Проханов,*

безусловно предчувствовавший хаос, готовый обрушиться на страну, пытался вбить политические, идеологические, эстетические скрепы своими романами о великих стройках и мучающихся людях, чьих человеческих сил не всегда доставало для решения задач нечеловеческих. „Время полдень“, „Место действия“, „Вечный город“ — даже сами названия этих ладно сделанных, крепко сбитых, плотных и сильных романов звучат как забиваемые сваи.

Далее используется основная тактика демонстрации творческого пути писателя как его служения империи. Глорификация Проханова осуществляется при помощи приема перечисления его многочисленных военных командировок (в Афганистан, Кампучию, Никарагуа, Алжир) и написанных произведений, среди которых сборник «Третий тост» и роман «Дворец» оцениваются с помощью эпитетов как **безусловные шедевры Проханова, занимающие самое почётное место в любой антологии военной прозы**. Аксиологема-климакс (отрок — охотник; не меж островов, а меж материков): *ушедший в путь свой отрок, не раз наступивший на евразийских просторах кочующую розу, превратился в охотника, бродящего уже не меж островов, а меж материков!* — описывает итог эволюции военной прозы писателя, наиболее ярко проявившийся в произведениях «Африканист», «В островах охотник...».

Используется также тактика передачи трагических чувств и переживаний Проханова, связанных с гибелью страны, в их динамике, что подчеркивается с помощью эпитетов («в ужасе ждал»; «повесть „Адмирал“ наполнена такой безысходной тоскою, которую только и сегодня можно понять во всём её ужасе!»; «Проханов берёт на себя задачу почти невыполнимую») и сравнения (Он, как атлант, пытается удержать страну...), риторического восклицания (Какое мужество нужно было иметь, чтоб после Чернобыля исповедовать всё это!); развернутой метафоры («Он пережил этот собственный ад — медленное, садистское, почти сладострастное заклание той идеи, которой он истово служил всю жизнь»; «прохановские проклятия проклятым временам звучали под хохот шутов и бесконечный звон бокалов»). Перифраза На лбу у Проханова была нарисована жирная, отёкшая хвостами свастика в контексте панегирика приобретает комплиментарное значение.

Тактика описания изменившегося стиля писателя реализуется в градационном ключе с использованием метафор: «перестал

работать скальпелем и вышивать тонкие узоры»; «запускает жадные руки по локоть в самое человеческое существо, извлекает связки кишок, надкусывает черепа и зачерпывает пышный мозг, реёт на части грудину в поисках сердца», но «сердца он не нашёл нигде»; «выдумывает себе новые, почти безумные одеяния, в которых его не узнают бывлые почитатели: его наркотические, босхианские, издевательские, за пределами здравого смысла романы открывают нам нового писателя...»

Третья часть представляет собой обобщенную характеристику Проханова в виде развернутой метафоры парохода, реализующей тактику раскрытия мечты Проханова о Пятой империи и показывающей его жизненный путь и симпатии (приведем в сокращении): *В конце концов он сам за время своего путешествия превратился в пароход. На носу парохода — царь-пушка, на борту — несколько русалок, небольшая группа спецназа, несколько великих философов, два или три разведчика, эстетствующие либералы, упрямые монархисты, народоволец с бомбой, казачья часть. На пароходе позволено размахивать любыми знамёнами, в том числе белогвардейскими, махновскими, имперскими, торговыми — но главный флаг всё равно красный, советский. <...> На теплоходе звучит советский гимн, затем чеченский блюз, затем „Красная Армия всех сильнее“ и потом ещё те русские народные песни, которые поёт сам Проханов и ему тихонько подпевает друг Личутин. Пароход может продолжать курс в любую непогоду, проходить сквозь ураганы, пересекать реки, полные кислоты, и даже высохшие моря.* Последнее предложение — яркий заключительный глорификатор в составе метафоры.

В заключение статьи используется тактика выражения солидарности с идеологией Проханова и надежды на то, что Пятая империя будет существовать. Аксиологема в этой тактике характеризуют не Проханова, а его идею: *Там будет много солнца, там станет окончательно ясно, что Бог есть, а Россия — вечная.*

Второй текст — это памфлет Дмитрия Галковского «Нечто о Проханове. Агент Бога» [Галковский 2005]. Как и всякий памфлет, текст служит реализации стратегии дискредитации писателя Проханова, выступающего объектом оценки.

Текст Д. Галковского делится на три части: вводную, представляющую собой предуготовление к «нападению» на мишени,

основанное на концептуальной метафоре «политика — это цирк» с соответствующей управляемой клоунадой политиков; основную — характеристику личности Проханова, перемежающуюся некоторыми тематическими вставками; заключительную часть, содержащую совет Проханову по доброй воле покинуть Россию пока не поздно и уехать в Англию, которой он, по мнению автора текста, служит. Поскольку во вводной части негативаторы характеризуют политиков в целом, перейдем сразу к основной части.

Чередование тактики обращения к биографическим данным и тактики бездоказательного оценочного комментирования этих данных в основной части позволяет смешивать факты и мнения, создавая общий негативный фон восприятия характеризуемой личности. Причем негативаторы используются в таких высказываниях или их частях, которые выражают мнение, оценку, а не констатируют факт. Негативации подвергаются такие мишени объекта оценки, как личностные качества, внешность, писательский талант, политические связи и мировоззрение.

1. Негативаторами в описании личностных качеств выступают:

- оценочные предикаты (*юродствовал в лесничестве; пытался протиснуться; пришлось карабкаться по спинам; пролез в Союз писателей*);
- оценочные эпитеты (*нахрапистый литератор; личности <...> прямо-таки одноклеточной; в качестве ампилоподобного визжалкина*);
- намеки (*выучил несколько иностранных слов; на стиль надо выправить бумагу „где надо“, просто так выкаблучиваться не позволялось. <...> Проханов бумагу выправил*);
- перифраза (*Проханов может целовать руки Брежневу, орать в мегафон на митинге черносотенцев, играть в имени англороссийского олигарха в крикет...*);
- развернутая метафора и сравнение (*...Проханов отгрыз себе уютную норку в государственном сыре, и, казалось, сидел бы в ней хозяйственной мышью до второго пришествия. Тепло, сыро, вкусно. Ешь сырок <...> да время от времени попискивай „из глубины“ про ужасы ельцинского режима и мировой жидомасонский заговор*);
- ярлыки-инвективы (*продажная сволочь, графоман и подлец*).

2. При описании внешности роль негативаторов выполняют фразы, снижающие образ политика: *постепенно покрывающийся пигментными пятнами* (причастный обо-

рот в роли эпитета); *...покрывайся пигментными пятнами хоть в три слоя* (гипербола); *речь идет не только о рефлексах слюноотделения* (прием примитивизации объекта оценки).

3. Писательский талант Проханова характеризуется при помощи следующих негативаторов: эпитетов (*рулады корявые; графоманские агитки; графоманские стихи*); скрытой имплицатуры «он неталантливый» (*горизонт загораживали спинушки талантливых конкурентов*); предикатов (*читающей публике он был совершенно неинтересен*); метафор (*патриотические рулады; ...на соответствующем прохановском таланту уровне: милицейские свистки, хриплый лай, базарные взвизги, петушиные панегирики*); словесного метафорического ярлыка («*соловья Генштаба*»); иронии (*для смеха приведу образчик <стихотворения>*); словосочетания фразеологического характера (*ударился в критиканство*) и паронимазии (*Профанов, пардон, Проханов*).

4. Критическое описание политических связей достигается при помощи разговорно-неодобрительного «орать» (*Проханов в „Дне“ орал*); метафор (*И тут произошел необъяснимый кульбит. Мышь из сыра сделала реактивный прыжок на грудь осьминогopodobному лондонскому олигарху*); антифразиса «истинно русский патриот» и порочащего намека в сочетании с графоном (*С места в карьер истинно русский патриот превратился в верного друга Бориса Абрамовича Березовского, общение дошло до уровня интимного шепота и предупредительного воркования. ДРУЗЬЯ*); словесного ярлыка, включающего метонимию (*прислужником Лондона*), графон (*Проханов — национал-предатель ПОТОМСТВЕННЫЙ*); ярлыка, поданного на фоне приема включения объекта оценки в однородный ряд с негативно оцениваемыми личностями и выделенного графически (*Это „агент Бога“, потомственный член советской элиты. Только надо понимать, кто эти Ленины, Сталины, Аллилуевы, Литвиновы, Алексеи Толстые, Чуковские, Замятины, Капицы и тутти кванти. Это ориентирующиеся на Англию КОЛЛАБОРАЦИОНИСТЫ, захватившие власть в результате страшной катастрофы 1917 года*).

5. Мировоззрение Проханова характеризуется с помощью эпитетов (*шестидесятник лежалый, второго или даже третьего разбора; на религиозные темы высказывается туманно*); словесных ярлыков (*религиозный сектант; иуду ПОТОМСТВЕННОГО*); оценочных предикатов (*Проханов свою*

веру скрывает и параллельно распространяет шовинистическую клевету...; опустил до того, что опубликовал икону с изображением Сталина); развернутой метафоры (Все это в молоканской лавке Проханова шевелится и ползет. Налетай-покупай „Завтра“, газету русских националистов).

Сопоставление текстов-антиподов показывает наличие у них как различающихся черт, в том числе противоположных, так и общих, изоморфных. Противоположными в текстах являются интенции, определяемые ими стратегии (стратегия апологетики и стратегия дискредитации) и аксиология языковых средств. Изоморфизм же прослеживается в выборе одного и того же объекта оценивания и в использовании однотипных средств речевой выразительности (метафор, эпитетов, сравнений и т. д.), но с противоположными оценочными коннотациями.

Выводы

Таким образом, анализ двух идеологически и аксиологически противоположных текстов, составляющих жанровую оппозицию, показывает, что наличие изоморфизма в выборе объекта оценивания и типов выразительных средств позволяет разным сторонам информационно-психологического противоборства создавать тот или иной миф — апологетирующий в случае панегирика и дискредитирующий в случае памфлета. Несмотря на однотипность разнообразных средств выразительности, эти средства носят оппозиционный оценочный характер, группируясь в рамках двух категорий — глорификации и негативации. Названные признаки позволяют панегирику и памфлету выступать орудием информационно-психологического противоборства. Они дают нам возможность экстраполировать понятие антонимии в сферу генристики и трактовать рассматриваемые жанры-антиподы как жанры-

антонимы. Статья закладывает основу изучения жанров-антонимов, ранее рассматривавшихся в литературоведческом аспекте, с позиций лингвоидеологических и лингвоаксиологических противопоставлений.

ИСТОЧНИКИ

1. Галковский Д. Нечто о Проханове. Агент Бога [Электронный ресурс] // Взгляд : деловая газ. 2005. 14 нояб. URL: <https://vz.ru/columns/2005/11/14/12608.html>.
2. Мориц Ю. Буквально [Электронный ресурс] // Завтра. 2017. 23 февр. URL: <http://zavtra.ru/blogs/zahar>.
3. Прилепин З. Кочующий пароход «Александр Проханов» [Электронный ресурс] // Литературная газета. 2008. № 8 (6160), 27 февр. URL: <http://lgz.ru/article/N8--6160--2008-02-27-/Kochuyushtiy-teplohod-«Aleksandr-Prohanov»3296/>.
4. Проханов А. Федот, да не тот [Электронный ресурс] // Завтра. 2010. № 48 (889), 1 дек. URL: <http://zavtra.ru/blogs/2010-12-0111>.

ЛИТЕРАТУРА

5. Балашова Л. В. Реализация концептов «свой — чужой» в российском политическом дискурсе начала XXI века // Политическая лингвистика. 2014. № 1. С. 40—50.
6. Калашников В. А. Памфлет // Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. — М.: Сов. энциклопедия, 1987. С. 266.
7. Матвеева А. А. Оценочная параметризация лингвокультурологической категории «свой — чужой» (на материале современного английского языка) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 — германские языки. — Уфа, 2011. 228 с.
8. Нехорошева А. М. Концептуализация своего и чужого в немецком политическом дискурсе (на материале выступлений Ангелы Меркель) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 — германские языки. — Тамбов, 2012. 172 с.
9. Планкина Р. М. К проблеме исследования бинарной оппозиции «свой — чужой» в рамках антропоцентрической парадигмы (на материале произведений Л. Н. Толстого, Г. Исхаки) // Филология и культура. Philology and culture. 2015. № 3 (41). С. 109—115.
10. Руженцева Н. Б. «Чужие» и «свои» в биполярной и многополярной политической картине мира (оценка в политических комментариях Ивана Яковины) // Политическая лингвистика. 2013. № 3—45. С. 63—70.
11. Тюпа В. И. Дискурс / Жанр. — М.: Intrada, 2013. 211 с.
12. Шабанова Т. А. Метафорическое моделирование лингвокультурологической категории СВОИ — ЧУЖИЕ в феминистском дискурсе США и России : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 — сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание. — Екатеринбург, 2013. 251 с.
13. Шунейко А. А., Чибисова О. В. Акцентирование и нивелирование оппозиции «свой — чужой» на уровне анекдотов // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 3. С. 254—263.

A. P. Skovorodnikov, G. A. Koptina, E. E. Anisimova
Krasnoyarsk, Russia

LAMPOON AND PANEGYRIC — GENRE ANTIPODES IN THE MASS MEDIA

ABSTRACT. The article discusses similarities and differences of such genre-antipodes as lampoon and panegyric on the basis of two texts dedicated to Alexander Prokhanov, a Russian writer. The paper uses a comparative linguo-pragmatic and linguo-axiological analysis. The relevance of the study is defined by examining the above-mentioned genres of the media with regards to linguistics of information and psychological warfare. The novelty of the research is as follows: it provides representation of the genres as a microsystem on the functional basis. The following notions were used when analyzing the genres: object of speech influence (knowledge of those who comprehend the text), subject of evaluation (a subject in a general sense, which the addressee forms an evaluative view of), scope of evaluation (an aspect of a subject matter, i.e. a discredited or glorified one) and axiologem (evaluative part of a text expressing an ideology). Glorification as a positive (apologetic) axiologem and negativity as a negative (discreditable) axiologem are also introduced in the article. The study revealed that the antithesis of the genres' intentions and strategies determines the oppositional evaluative nature of expressive means. These means are grouped into two categories, viz. glorification and negativity, and let the warfare parties create an idealized myth, i.e. an apologetic one in case of panegyric and a discreditable one in case of lampoon. As a result, it has been possible to bill the described genres as genre antonyms acting as a tool of information and psychological warfare in the modern media.

KEYWORDS: pamphlet; panegyric; genre opposition; informational and psychological confrontation; glorification.

ABOUT THE AUTHORS: Skovorodnikov Alexandr Petrovich, Doctor of Philology, Full Professor, Professor of the Department of Russian Language and Speech Communication, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia.

Kopnina, Galina Anatolyevna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language and Speech Communication, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia.

Anisimova Evgenia Evgenyevna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Journalism and Literary Criticism, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia.

REFERENCES

1. Galkovskiy D. Nechto o Prokhanove. Agent Boga [Elektronnyy resurs] // Vzglyad : delovaya gaz. 2005. 14 noyab. URL: <https://vz.ru/columns/2005/11/14/12608.html>.
2. Morits Yu. Bukval'no [Elektronnyy resurs] // Zavtra. 2017. 23 fevr. URL: <http://zavtra.ru/blogs/zahar>.
3. Prilepin Z. Kochuyushchiy parokhod «Aleksandr Prokhanov» [Elektronnyy resurs] // Literaturnaya gazeta. 2008. № 8 (6160), 27 fevr. URL: <http://lgz.ru/article/N8--6160--2008-02-27-/Kochuyushtiy-teplohod-«Aleksandr-Prohanov»3296/>.
4. Prokhanov A. Fedot, da ne tot [Elektronnyy resurs] // Zavtra. 2010. № 48 (889), 1 dek. URL: <http://zavtra.ru/blogs/2010-12-0111>.
5. Balashova L. V. Realizatsiya kontseptov «svoy — chuzhoy» v rossiyskom politicheskom diskurse nachala KhKhI veka // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 1. S. 40—50.
6. Kalashnikov V. A. Pamflet // Literaturnyy entsiklopedicheskiy slovar' / pod obshch. red. V. M. Kozhevnikova, P. A. Nikolaeva. — M. : Sov. entsiklopediya, 1987. S. 266.
7. Matveeva A. A. Otsnochnaya parametrizatsiya lingvokulturologicheskoy kategorii «svoy — chuzhoy» (na materiale sovremennogo angliyskogo yazyka) : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.04 — germanskije yazyki. — Ufa, 2011. 228 s.
8. Nekhorosheva A. M. Kontseptualizatsiya svoego i chuzhogo v nemetskom politicheskom diskurse (na materiale vystupleniy Angely Merkel') : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.04 — germanskije yazyki. — Tambov, 2012. 172 s.
9. Plankina R. M. K probleme issledovaniya binarnoy oppozitsii «svoy — chuzhoy» v ramkakh antropotsentricheskoy paradigmy (na materiale proizvedeniy L. N. Tolstogo, G. Iskha-ki) // Filologiya i kul'tura. Philology and culture. 2015. № 3 (41). S. 109—115.
10. Ruzhentseva N. B. «Chuzhie» i «svoi» v bipolyarnoy i mnogopolyarnoy politicheskoy kartine mira (otsenka v politicheskikh kommentariyakh Ivana Yakoviny) // Politicheskaya lingvistika. 2013. № 3—45. S. 63—70.
11. Tyupa V. I. Diskurs / Zhanr. — M. : Intrada, 2013. 211 s.
12. Shabanova T. A. Metaforicheskoe modelirovanie lingvokulturologicheskoy kategorii SVOI — ChUZhIE v feministskom diskurse SShA i Rossii : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.20 — sravnitel'no-istoricheskoe, tipologicheskoe i sopostavitel'noe yazykoznanie. — Ekaterinburg, 2013. 251 s.
13. Shuneyko A. A., Chibisova O. V. Aktsentirovanie i nivelirovanie oppozitsii «svoy — chuzhoy» na urovne anekdotov // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2017. № 3. S. 254—263.